

Стенограмма парламентских слушаний на тему

«Совершенствование механизмов защиты прав граждан и роль адвокатуры в формировании основ правовой системы современной России»

18 апреля 2017 года

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Уважаемые коллеги, прошу рассаживаться. Я хочу заметить, что сегодня собралось очень профессионально высокое собрание для обсуждения этого вопроса. Присутствуют представители и Генеральной прокуратуры, и адвокатского сообщества, и Министерства юстиции, и науки. Ожидаем советника Президента господина Яковлева, который сказал, что тоже будет.

Что хочется сказать? Тема, заявленная сегодня на наших слушаниях, очень серьезно волнует гражданское общество, граждан, которые хотят получать своевременную и квалифицированную юридическую помощь. Поэтому я бы хотел, чтобы все выступающие по этому вопросу высказывались конкретно, не повторялись и чтобы в конце мы приступили к прениям по тем, скажем, острым вопросам, которые будут у выступающих.

Первый выступающий – Любимов Юрий Сергеевич, статс-секретарь – заместитель Министра юстиции. Присутствует? Нет. Любимова нет.

Значит, дальше – Пилипенко Юрий Сергеевич.

Ю.С. ПИЛИПЕНКО

Добрый день! Максим Геннадьевич, спасибо большое. Пилипенко Юрий Сергеевич в отличие от Юрия Сергеевича Любимова присутствует. Я, с вашего позволения, тогда скажу несколько слов. У меня нет большого и длинного выступления, потому что мы с коллегами заранее немножко обсудили, кто о чем будет говорить, и есть у нас договоренность о том, что от имени российской адвокатуры несколько наших коллег выступят с докладами, по которым они специально готовились.

Я все-таки скажу несколько слов в начале этого совершенно замечательного мероприятия. Прежде всего, хотелось бы отметить, что вчера, именно 17 апреля, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал соответствующий закон и вступили в силу поправки в Уголовно-процессуальный кодекс, которыми самым серьезным образом усиливается положение адвокатов в процессе. Говорить о том, что государство не обращает на адвокатуру внимания либо относится к ней немножко снисходительно, неуместно. Тем не менее мы, адвокаты, – такие люди, что даже в этой ситуации найдем возможность обратить внимание присутствующих здесь на те обстоятельства, которые, наверное, имеет смысл иметь в виду, потому что поправки в уголовно-

процессуальное законодательство, о чем я говорил выше, конечно же, совершенно замечательные и восприняты в основном адвокатским сообществом крайне позитивно, хотя и в этой ситуации есть люди, оставшиеся не вполне довольными тем, что не так глубоко поправили Уголовно-процессуальный кодекс с точки зрения защиты интересов. Но тем не менее очень важно заметить, что эти поправки ведь касаются адвокатов как бы не прежде всего, потому что у адвокатов в уголовном процессе, как и, впрочем, чаще всего в остальных процессах, нет своего собственного, самостоятельного интереса. Адвокаты вообще-то в уголовном процессе участвуют и принимают участие в каких-то следственных и иных процессуальных действиях только ради интересов граждан. Поэтому справедливости ради нужно сказать, что эти поправки в Уголовно-процессуальный кодекс направлены на защиту не только и не столько российской адвокатуры, сколько российских граждан. Это нужно просто иметь в виду. И, конечно, мы крайне благодарны законодателям, потому что и Совет Федерации благосклонно отнесся к этим поправкам. Но нужно помнить, что это не только и не столько ради адвокатов сделано.

Тем не менее мы считаем, что есть еще темы, о которых следует говорить, и достаточно громко говорить. А именно: несколько лет (пять, может быть, или семь лет) обсуждается проблема реформирования сферы оказания юридической помощи. И, конечно, насколько мы, российские адвокаты, люди достаточно упертые и терпеливые (сама профессия предполагает наличие большого терпения), даже мы уже теряем некоторое терпение, не понимая, где же, кто же и когда внесет какие-то идеи, поправки, озвучит концепцию о том, каким образом будет реформироваться сфера оказания юридической помощи.

В двух словах буквально напомним... Вы меня извините ради бога, потому что мне в последние годы приходится об этом говорить часто и в разных аудиториях, самому уже неприлично, я прошу прощения, но тем не менее, раз уж мы собрались в столь высокой аудитории, то два слова об этом, наверное, позволительно и необходимо будет сказать. Все-таки такая ситуация, как в нашей стране, когда каждый гражданин, подчас недееспособный, неправоеспособный, без образования, не то что юридического, но и какого-либо высшего, имеет право, получив доверенность, ходить в суд и на профессиональной основе за вознаграждение представлять интересы граждан и юридических лиц... таких стран в мире, наверное, меньше десятка. И компания, в которой мы находимся до настоящего времени, такая убогонькая, я бы сказал, – там Конго, страны Средней Азии. До недавнего времени там были Украина и Албания, но даже на Украине, насколько нам известно, изменилась ситуация, и там уже вводится адвокатская монополия на судебное представительство. И, конечно же, эта

ситуация, на мой взгляд, нашу великую страну, достойную большей судьбы, в том числе и большей юридической судьбы, совсем не украшает.

И даже не мы, адвокаты, а Министерство юстиции, государство впервые, наверное, лет семь тому назад (или как минимум пять лет тому назад) заявило о том, что здесь нужно наводить порядок. Но до настоящего времени ничего не сделано. Хотя на самом деле и противников особых у этой идеи, у этого цивилизованного подхода не так-то и много. Я даже не знаю, где их найти, этих противников. Это нужно, как Сократу, взять фонарь, ходить по улице и говорить: я ищу того, кто против нового порядка в этой сфере оказания юридической помощи. Мы в последние годы очень активно дебатировали эту проблему с разными слоями юридического сообщества. И, вы знаете, в значительной степени, почти 90 процентов наших собеседников поддерживает эту идею с теми либо иными оговорками. Но все равно этих коллег подавляющее большинство. Судебный корпус – за, Министерство юстиции – тоже будто бы за, даже не знаю, кто против. Наверяд ли Следственный комитет против, потому что их это мало касается. Наверное, правозащитники в значительной части за, хотя у них есть определенные сомнения. Мы знаем, среди правозащитников много людей с горячим сердцем, но без какого-либо должного образования, им, конечно, хотелось бы остаться в качестве представителей. Самым серьезным образом мы обсуждали эту проблему с представителями так называемого юридического бизнеса. Я имею в виду тех коллег, которые, не являясь членами адвокатского сообщества, на профессиональной основе, создавая ООО и прочие предпринимательские структуры, оказывают юридическую помощь. Но, вы знаете, и с этими коллегами, которые, казалось бы, должны может быть, больше всех сопротивляться, нам удалось за последние год-полтора найти общий язык и общие подходы. И это выразилось даже в том, что мы совместно готовили проект концепции, который передали в Минюст. Но этот проект концепции не понравился, он исчез, неизвестно, где пишется новый. И, конечно, очень жаль, что здесь отсутствуют представители Министерства юстиции, потому что, может быть, в значительной степени именно к ним направлены наши слова, наши вопросы и так далее.

Я считаю, что мы должны поблагодарить Совет Федерации, законодателей за то, что они позволили нам в столь замечательном месте обсудить наши проблемы. Но они не столько наши. Проблемы адвокатуры как самостоятельной проблемы вообще почти не существует ни в чем. Проблема адвокатуры – это проблема защищенности наших граждан. И я хотел бы, чтобы именно под этим углом зрения относились к тому, что будет сказано с этой замечательной высокой трибуны.

Поэтому всего доброго. Я свое выступление, может быть, даже уже затянул. Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия будет конструктивной, плодотворной и очень полезной.

Юрий Сергеевич, добрый день! Я как раз говорил о концепции.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Добрый день!

РЕПЛИКА

Юрий Сергеевич, Вам опять повезло. Критика в адрес Министерства юстиции прозвучала в Ваше отсутствие.

Ю.С. ПИЛИПЕНКО

Юрий Сергеевич, но критика была крайне конструктивная, дружелюбная, имейте это в виду.

Спасибо за внимание.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Юрий Сергеевич, тогда пару слов, поскольку президент палаты адвокатов выступил. Я думаю, теперь за Вами...

Ю.С. ЛЮБИМОВ

Да. Спасибо большое, уважаемые коллеги.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Желательно до пяти минут, потому что много выступающих, чтобы все выступили.

Ю.С. ЛЮБИМОВ

А я больше физически не смогу сказать.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Я понял.

Ю.С. ЛЮБИМОВ

К сожалению, я не слышал выступления моего тезки, Юрия Сергеевича Пилипенко, но, я думаю, могу догадаться о тематике выступления.

Могу, со своей стороны, сказать, что у нас прошедший год был годом активизации нашей уже давно начатой работы над так называемой адвокатской реформой. И, наверное, это одно из тех преобразований в области юридических профессий, которое сложнее всего нам дается, потому что сама по себе ситуация объективно в корпорации исторически сложилась очень непростая. Я уже много раз в своих публичных выступлениях подчеркивал тот факт, что задача, которая перед нами стоит, – это задача, по сути дела, объединения между собой супругов, которые, там, 20 лет назад развелись, каждый уже прожил свою жизнь, у каждого своя семья, дети от нового брака появились, и вот сейчас они решили вновь между собой объединиться. Задача, безусловно, непростая, и тематика

сама по себе достаточно конфликтная, поэтому мы здесь стараемся предельно осторожно действовать.

Вы наверняка знаете, что в прошлом году мы, следуя нашим формальным обязательствам, которые у нас есть по нашей, чиновничьей линии, представили первый вариант концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. И надо сказать, что мы сразу же почувствовали, что этот документ еще достаточно сырой, потому что дискуссия по нему была достаточно бурной, и, наверное, мы в свое время эту коммуникационную часть недодумали, недоработали коммуникацию тех тезисов, которые в эту концепцию заложены, до профессионального сообщества. Поэтому мы взяли паузу и в течение последнего года совершили достаточно серьезную переработку этого документа с повторным очень широким раундом обсуждений. Мы работали и с Федеральной палатой адвокатов, и с достаточно широким профессиональным сообществом, у нас было несколько совещаний, на которых мы отдельно собирали на нашей площадке представителей крупного отечественного юридического бизнеса. У нас были совещания отдельно с представителями международных, транснациональных юридических компаний, которые на российском рынке присутствуют, у нас были отдельные совещания с представителями регионального сектора оказания юридических услуг. И, более того, мы проводили совместные, смешанные совещания, на которых представители каждого из этих относительно обособленных секторов могли пообщаться между собой, соответственно, в нашем присутствии, мы могли какие-то острые углы отработать. В общем, к нашему, может быть, даже удивлению, реальных противоречий вокруг документа оказалось гораздо меньше, чем могло показаться исходя из того градуса обсуждений, который был после внесения первоначального текста концепции. То есть на самом деле стало понятно, что, наверное, самой большой проблемой была проблема коммуникации тех тезисов, которые у нас в первоначальном тексте документа содержались.

Также надо отметить, что Федеральная палата адвокатов за прошедший год сделала тоже достаточно существенные шаги вперед, и по очень многим вещам, которые казались спорными или неровными в начале обсуждения, действительно позиции разных частей профессионального сообщества сблизились. Поэтому сейчас у нас есть, причем готовый уже, вариант концепции, он проходит финальную читку у нас в министерстве, то есть департаментом концепция уже подготовлена (она сейчас у меня на столе находится). Соответственно, я надеюсь, что до Петербургского международного юридического форума, который у нас будет в середине мая, мы этот документ постараемся в финальном раунде дообсудать и уже представить на суд

общественности, для того чтобы уже был какой-то текст, который мы обсуждаем. Но вкратце скажу, что ключевые аспекты реформы у нас не поменялись.

Мы по-прежнему считаем, что оптимальным является объединение сообщества на базе адвокатуры. И главным аргументом в этой части являются для нас международный опыт и позиция международных адвокатских объединений, потому что, пожалуй, в подавляющем большинстве стран, по крайней мере на всех развитых рынках юридических услуг, именно адвокатура является объединяющим центром для всего сообщества. В единичных странах это не так.

Во-вторых, мы достигли практически полного понимания в той части, которая у нас связана с техническим блоком, как мы его называем. Это блок вопросов, связанных с организационно-фискальными аспектами деятельности адвокатуры. Абсолютно всё, то есть 100 процентов сообщества согласно, что там требуются достаточно быстрые изменения, потому что действующие организационные формы адвокатских объединений являются серьезным тормозом для структурирования действительно крупного юридического бизнеса в этих формах, и практически все крупные фирмы вынуждены выстраивать какие-то параллельные конструкции. Поэтому у нас работала специальная техническая группа и найдены пути для исправления этой ситуации. Мы здесь, конечно, всерьез рассчитываем на помощь и наших коллег-парламентариев, для того чтобы эти изменения, которые для всего рынка очевидны, были скорейшим образом претворены в жизнь.

Наконец, у нас существенно сблизились позиции по вопросу транзитных положений, по тому, каким образом должно происходить объединение юридического сообщества на базе адвокатуры. Пожалуй, последний момент, по которому мы еще не достигли окончательного понимания, но опять же предельно сблизили позиции, – это как именно технологизировать доступ в адвокатуру тех консультантов, которые сейчас адвокатами не являются, то есть по тому, как должна эта процедура осуществляться. Это один из наиболее острых вопросов реформы, не скрою. Здесь, конечно, нужно занять очень взвешенную, аккуратную позицию, потому что надо понимать, что за пределами адвокатуры сегодня находятся как лучшие представители, те, кто в свое время опережал рынок, так и те, кто в адвокатуру не идет из-за того, что просто боится не выдержать тех профессионально-этических требований, которые адвокатура на сегодняшний момент предъявляет. Здесь необходимо найти некое универсальное решение, которое, с одной стороны, не наполнит адвокатуру откровенными "профессионалами" (в кавычках) сомнительного качества, то есть необходимо подумать о каком-то заслоне, о каком-то барьере для того, чтобы не все желающие в адвокатуру могли попасть. С другой стороны, надо понимать, что эта процедура не должна стать

обременительной для действительно профессионалов, которые уже давно работают, но просто исторически сложилось, что они работают в рамках отдельных юридических фирм.

Я понимаю, что я занял больше времени, чем мне было отпущено модератором.

В завершающей фразе хотел бы вам всем доложить, что у нас работа над концепцией практически завершена. Я думаю, что на днях мы ее представим на суд общественности и уже будет что обсуждать. Концепция переработана, вычитана и уже, соответственно, мы надеемся, другого качества.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

А то, что Вы сказали, что она будет принята до середины мая, уже, я думаю, коллег-адвокатов должно серьезно порадовать, что вы ее через несколько дней выпустите, чтобы с ней могли ознакомиться и до середины мая могли внести какие-то свои изменения. А мы уже, как законодатели, поможем объединить этот процесс.

Пожалуйста, Виктор Викторович.

В.В. МОМОТОВ

Добрый день, уважаемые участники парламентских слушаний! В первую очередь хочу поприветствовать вас и поблагодарить за приглашение на сегодняшнее мероприятие.

Судейское сообщество с особым вниманием относится к актуальным вопросам развития адвокатуры и всегда готово к конструктивному диалогу, а при необходимости – к совместной работе над инициативами, направленными на укрепление российской адвокатуры.

Из всех государственных институтов, пожалуй, именно судебная система в наибольшей мере нуждается в том, чтобы в стране была сформирована мощная адвокатская корпорация. Сильная адвокатура способствует обеспечению единообразия судебной практики. В этом заинтересован и суд. Профессиональное, сильное сообщество адвокатов позитивно влияет на развитие права в обществе, формирование правового государства. Именно в этом заинтересован и суд, для которого право всегда было и остается главным регулятором в обществе.

Думаю, сегодня никто не сомневается в наличии такой взаимозависимости между судебским и адвокатским сообществами. Судебная система находится в постоянном диалоге с адвокатским сообществом. Мы выработали общее видение вопросов, связанных с разработкой и внедрением адвокатскими палатами единых стандартов оказания юридической помощи, совершенствованием правил адвокатской этики, повышением уровня профессионализма адвокатов и использованием электронных технологий, в том числе в рамках электронного правосудия.

Адвокаты заинтересованы в обеспечении единообразия судебной практики, повышении уровня правовой определенности. Формируя правовую позицию в защиту интересов клиента, адвокат исходит из того, что подходы судов к толкованию и применению правовых норм являются едиными в масштабах всей страны.

Верховный Суд в своей работе стремится через постановления Пленума, через обзоры судебной практики, разнообразные судебные постановления своевременно реагировать на возникшие вопросы судебной практики, создавая единообразную правовую среду. В последнее время в связи с постоянно растущей социальной активностью граждан заметно возросла интенсивность такого рода постановлений. Я думаю, вы обратили внимание на это.

Меняется характер постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В советские годы и в конце прошлого века такие постановления в подавляющем большинстве случаев являлись реакцией на возникшие в судебной практике ошибки и разночтения. Высшая судебная инстанция выявляла проблемные аспекты в практике нижестоящих судов и исправляла их своими руководящими разъяснениями. Однако сейчас ситуация выглядит иным образом: Верховный Суд стремится не только исправлять уже возникшие проблемы, но и реагировать на новеллы в законодательстве, упреждая возможные ошибки в их применении судами.

Верховный Суд видит свою задачу в том, чтобы еще до возникновения каких-либо проблем в применении новых правовых норм дать руководящие разъяснения, на которые смогут ориентироваться нижестоящие суды. Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 года "О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" являлось реакцией высшей судебной инстанции на масштабную реформу закона об ОСАГО. Благодаря принятию этого постановления удалось избежать существенных разночтений в применении новой редакции этого закона. Можно также привести в качестве примера целую серию постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятых после масштабной реформы Гражданского кодекса Российской Федерации. Первым из них стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

Очень важно, что в подготовке постановлений Пленума Верховного Суда участвуют представители адвокатского сообщества, мнениям которых всегда уделяется особое внимание. Активная нормотворческая работа ведется в отношении участия адвокатов в уголовном процессе. В качестве одного из недавних примеров следует привести проект федерального закона "О внесении

изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации", внесенный Президентом Российской Федерации, уже принятый Госдумой. Этот законопроект предусматривает существенное усиление гарантий независимости адвокатов в уголовном процессе. Мы, безусловно, поддерживаем предлагаемые изменения и уверены, что никаких проблем с их практическим применением не возникнет.

Полагаю, что на сегодняшний день сформировались определенные перспективы развития, усиления адвокатуры не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве. В частности, хотел бы обратить внимание на общемировую тенденцию по формированию рынка судебного представительства. Российская Федерация пока находится лишь на пути к формированию такого рынка. Конечно, в Федеральном законе "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" указано, что адвокатская деятельность не является предпринимательской. Однако совершенно очевидно, что положение не следует толковать как запрет на извлечение адвокатами прибыли.

Адвокатская деятельность – это особого рода деятельность и особого рода предназначение. В России давно идут дискуссии о введении так называемой адвокатской монополии. Судейское сообщество заинтересовано в профессионализации судебного представительства. Мы полагаем, что введение обязательного профессионального представительства в судах приведет к повышению качества правосудия и уровня правовой защищенности граждан.

Формируя правовую позицию по делу, судья нуждается в диалоге с представителем стороны, который понимает юридическую терминологию и может дать квалифицированный ответ, представить правовую аргументацию со ссылками на подлежащие применению нормы закона и акты их толкования. Целесообразность, эффективность, подлинная состязательность процесса будут достигнуты лишь тогда, когда представители спорящих сторон будут вести правовую, а не бытовую, дискуссию и говорить на одном, профессиональном языке с судьей.

Кроме того, огромное значение имеют этические правила и стандарты, утверждаемые адвокатскими палатами. Судьи заинтересованы в том, чтобы представители сторон надлежащим образом исполняли свои обязанности, соблюдали порядок в зале суда и своим поведением соответствовали высокому авторитету судебной власти. К сожалению, часто не удается даже приблизиться к такому идеалу. В результате введения адвокатской монополии удалось бы обеспечить высокий стандарт поведения судебных представителей во взаимоотношениях как с судом, так и с клиентами. Гарантией соблюдения внутрикорпоративных правил, как и в судейском сообществе, является возможность применения к адвокату дисциплинарного взыскания.

Законодательное закрепление обязательного профессионального представительства в нашей стране давно назрело и вписывается в общемировые тренды. Профессиональное представительство в некоторых зарубежных правовых порядках является обязательным по всем категориям дел. Например, такое регулирование введено в США, Великобритании и Франции. В других правовых порядках адвокатская монополия действует в отношении большинства категорий дел. Например, в Германии адвокатская монополия распространяется на большинство дел, рассматриваемых по первой инстанции, а также на все дела, рассматриваемые в вышестоящих инстанциях.

Против введения адвокатской монополии нередко выдвигается аргумент о том, что далеко не все граждане могут себе позволить оплату услуг профессионала-представителя, однако эта проблема может быть решена, и должна решаться, путем предоставления таким гражданам гарантированной бесплатной юридической помощи.

Еще одним важным вопросом, на мой взгляд, является возврат к обсуждению так называемых гонораров успеха, то есть оплаты услуг судебного представителя в зависимости от исхода дела. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 года такие гонорары были фактически запрещены. Однако сейчас, по прошествии более 10 лет, все чаще возникают дискуссии о целесообразности сохранения такого запрета. В основу запрета "гонорара успеха" было положено предположение об изначальной недобросовестности сторон, ставящих оплату по договору об оказании юридических услуг в зависимость от результата рассмотрения дела. Однако уже после принятия постановления Конституционного Суда была проведена масштабная реформа гражданского законодательства, одним из главных результатов которой стало закрепление в качестве основополагающих начал российского гражданского права принципа презумпции добросовестности. Теперь стороны во всех случаях предполагаются добросовестными, а их недобросовестность подлежит доказыванию в каждом конкретном деле. Кроме того, Гражданский кодекс был дополнен статьей 327.1, согласно которой исполнение обязанностей по договорному обязательству может быть обусловлено наступлением предусмотренных договором обстоятельств. При этом перечень таких обстоятельств законом не ограничен.

Названные законодательные изменения создали предпосылки для возврата к обсуждению вопроса о "гонораре успеха". Думаю, что какие-либо правовые основания для запрета таких гонораров на сегодняшний день отсутствуют у нас.

И, подводя итог сказанному, хочу еще раз подчеркнуть, что судебское сообщество готово к диалогу и совместной работе над любыми инициативами, направленными на укрепление адвокатуры

и усиление ее. Укрепление верховенства закона и института правового государства – наша общая задача. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Семеняко Евгений Васильевич, пожалуйста.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Максим Геннадьевич, извините, мы нарушаем Ваши полномочия... С Генри Марковичем...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Я только единственное о чем прошу: в принципе коллеги высказываются об одном и том же, мы всё понимаем, старайтесь, пожалуйста, говорить более точно. Мы понимаем, о чем идет речь, – о том, что роль адвокатов сегодня все-таки на профессиональном рынке должна быть четко закреплена. И, соответственно, коллега из Министерства юстиции сказал о концепции, которая должна быть утверждена. Поэтому я бы попросил не "растекаться", а четко и конкретно говорить о тех вещах, которые мешают, например, тому, чтобы эта концепция была утверждена и наконец адвокаты, как вы хотите, взяли монополию на рынке юридических услуг.

Вам слово.

Г.М. РЕЗНИК

Вы уже программируете мое выступление, я хотел говорить совсем о другом. Я не буду "растекаться", я сейчас "растекался" на заседании экспертного совета при Уполномоченном по правам человека, а здесь я и собирался говорить конкретнее.

Я несколько слов скажу в отношении обеспечения принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. Все мы, адвокаты, сейчас пребываем в состоянии совершенно понятной эйфории по поводу того подарка, который нам сделал Президент вместе с нашим парламентом. Поэтому, мне кажется, сейчас надо охолонуться чуть-чуть, дух перевести и спокойно немножко порассуждать о том, какие дальнейшие шаги могут быть сделаны в отношении обеспечения равноправия сторон в уголовном процессе.

Памятуя завет классика, что просвещение нужно внедрять постепенно и, по возможности, без кровопролития, я просто вспоминаю, как некоторые из тех норм, которые сейчас введены в УПК, три года назад в Петербурге мы очень плодотворно обсуждали с двумя представителями Совета Федерации – Андреем Александровичем Клишасом и Константином Эдуардовичем Добрыниным. Мы как говорили: "Вы знаете, чтобы эти нормы как-то осели, просто пустите их в себя, обсудите и,

соответственно, уже со знанием дела придите к выводу, нужны они, не нужны, если нужны, то в какой редакции".

Вот сейчас, я бы сказал, при сохранении той модели уголовного судопроизводства, которая есть у нас (она близка к континентальной модели), пожалуй, только две "докрутки" можно было бы сделать. УПК Казахстана закрепил эти нормы. В частности, это право депонирования показаний (потому что следователь принимает решение об исследовании доказательств, и, понятно, здесь у нас происходят такие сшибки), депонирования показаний, скажем, свидетелей, которые необходимы защите до разреза и которые в силу ряда обстоятельств (то ли болезни, отъезда за границу, каких-то других обстоятельств) не смогут быть представлены в судебном разбирательстве.

И второе. Сейчас так "докрутили" со специалистом... Представляется мне, что здесь полное обеспечение возможностей сторон в привлечении специальных познаний все-таки не уравновешено. Мы вообще были бессильны в привлечении специалистов к рассмотрению уголовных дел, ну, потому что, ты убейся, все эти права, которые были относительно того, что мы можем и вопросы ставить экспертам, и привлекать экспертов... Вот мне за 30 лет пребывания в адвокатуре вообще не известен ни один случай (опыт мой ограничен, может быть, кто-то меня поправит), когда бы следователь ввел в экспертную комиссию кандидатуру, которую предлагал адвокат. Я не знаю, опыт мой ограничен, но вот я, когда беседовал с коллегами, что-то не встречал, чтобы кто-то мне сказал...

И сейчас, когда была введена норма о привлечении специалиста... Заключение специалиста – это такое же доказательство. Тем не менее в 2013 году Пленум уважаемого и любимого мной Верховного Суда (никто это не будет отрицать, я думаю, даже заместитель Председателя Верховного Суда) в своем разъяснении указал, что специалисты в отличие от экспертов не проводят исследования доказательств.

Маленький пример вам. У меня было дело, например, когда... Причем это была передача на всю страну по НТВ. Ну, там был какой-то такой предполагаемый мордобой, и следствие не сделало того, что было необходимо, – раскадровки. А раскадровка, собственно говоря, и показывала фактически... ставила буквально акценты в рассмотрении дела. Конечно, можно выйти из положения и сказать специалистам, к которым мы обращаемся: вы не указывайте, что вы исследуете, а указывайте, что вы осматриваете.

Вот в УПК Казахстана, как в УПК Грузии и в УПК Армении, есть право стороны защиты заказывать на коммерческой основе экспертизу, которая будет абсолютно равнозначной той экспертизе, которую назначает следователь.

Генри Маркович, регламент.

Г.М. РЕЗНИК

Я знаю, да. Вот буквально... Тут не написано – регламент. Вы же сказали: конкретнее. Я конкретно... *(Оживление в зале.)* Три минуты.

И вот сейчас, как мне кажется, над чем нужно задуматься нашим законодателям? На новый виток вышло обсуждение, которое, собственно, идет в научной среде очень давно, относительно все-таки изменения модели предварительного расследования и введения фигуры судебного следователя.

Должен сказать, что уже в концепции судебной реформы это обсуждалось, и, в общем, понятно, что нет каких-либо единых международных стандартов, которым надо следовать. И там очень хорошо как раз "за", "против" и прочее... Но вполне естественно, что у нас стоят две проблемы в уголовном судопроизводстве, которые должны быть разрешены. Первая – это избыточное применение заключения под стражу как меры пресечения. Да, подвижки тут есть. И была ситуация, которую я так определил: борьба законодателя с правоприменителями. Какие только постановления о том, что нужно применять только тогда, когда нет возможности применить другие меры пресечения, ни принимал Пленум, но суды всё репрессивно истолковывали. Значит, в таком случае законодатель ввел эти ограничивающие нормы: нельзя принимать по экономическим преступлениям, нельзя – в отношении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Снизилось, но тем не менее... Почему? Да потому что понятно, что те же судьи, которые рассматривают уголовные дела, фактически решают вопросы о мере пресечения. Буквально одна минута. И вторая – это, конечно, проблема оправдания.

Поэтому, я думаю (вот моя такая конкретная рекомендация), не торопясь, не спеша, все-таки нужно обеспечить обсуждение после какого-то рода исследований, мониторинга, который бы действительно показал, нужно или не нужно вводить эту фигуру, учитывая, что все это обсуждение вышло на новый виток. Профессор Смирнов (это питерский процессуалист, советник Конституционного Суда) представил очень, я бы сказал, логическую модель, кстати сказать, изменения вот этой стадии предварительного расследования. Ему оппонирует, скажем, профессор Головкин. Это очень важный момент, который нужно обсудить. И, мне думается, тогда у Александра Ивановича Бастрыкина будет основание говорить, что следователь – исследователь, а не представитель стороны обвинения. Сейчас – очень четко: обвинитель тот, кто предъявляет обвинение. Обвинение кто предъявляет у нас? Следователь. И следователь соединяет в себе две функции – обвинения и разрешения дела, а после предъявления обвинения у него появляется самостоятельный

процессуальный интерес. Мне думается, вот этим сейчас должен заняться законодатель. Спасибо за внимание. Я постарался быть конкретным.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Я тогда Вам вопрос задам. Сейчас все мировое сообщество идет очень быстро с развитием Интернета, и существует такая система, как блокчейн, то есть это передача данных, которые навсегда остаются в блоке, который невозможно подменить, ничего невозможно с ним сделать, убрать из процесса. Вот Вы сказали о депонировании доказательств. Если использовать те интернет-новшества, которые сегодня есть, и использовать блокчейн, то есть все видят, какие есть доказательства, собственно говоря, но подменить их невозможно, как Вы считаете, это заинтересует обе стороны?

Г.М. РЕЗНИК

Видите, в чем дело? Согласно стандартам (все-таки здесь есть мировые стандарты, Европейского суда) пока еще у нас все-таки принципы гласности, непосредственности никто не отменял. Поэтому некое депонирование, которое заменяет фактически присутствие свидетеля в суде, – это абсолютно исключительные случаи должны быть. Вообще согласно стандартам Европейского суда и заключение экспертизы, и заключение специалиста – это вообще бумажки, потому что доказательство – это допрос в суде эксперта и специалиста.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Генри Маркович, я спрашиваю не об этом, а о том, насколько возможно внедрение тех технологий, которые сегодня использует интернет-сообщество, вот в плане невозможности подмены доказательств? Потому что мы с вами совершенно четко понимаем, что, как Вы сказали, исследование доказательств иногда является очень серьезным камнем преткновения во многих вопросах.

Если мы говорим о том, что мы хотим видеть те доказательства, которые невозможно подменить, но чтобы все сообщество, обе стороны могли видеть все-таки, что происходит в этом вопросе, они должны быть прозрачны. Представьте, это как такой бронированный прозрачный ящик, в который все могут заглянуть, но вот потрогать никто не может, а прочитать все могут. Как Вы считаете, в этом будет заинтересована одна из сторон или обе стороны или вообще никто в этом заинтересован не будет?

Г.М. РЕЗНИК

Максим Геннадьевич, Вы сейчас очень деликатно показали преимущество члена Совета Федерации перед представителем адвокатского сообщества. Я Вам совершенно откровенно отвечаю: не знаю. Я не специалист в области технологий. Вы же что-то конкретное хотели от меня услышать.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо, Генри Маркович.

Г.М. РЕЗНИК

Я могу Вам сказать: не имею понятия. Нет, Интернетом я овладел, конечно, но (как бы сказать?) опять же не абсолютно. Понимаете? Не знаю. После Вашего вопроса я поинтересуюсь, каким образом это разрешать, и в следующий раз, если мы здесь встретимся, я уже компетентно смогу более или менее на него ответить.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Жуйков Виктор Мартенианович. Хотите – с места, хотите – на трибуну, как Вам удобней. Вы человек известный, поэтому, думаю, все Вас знают.

Г.М. РЕЗНИК

Еще со мной рядом сосед сказал, что он впервые услышал про блокчейн, я не один. Как-то все-таки... *(Оживление в зале.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Это уже приятно.

Сбербанк хотел войти в содружество, его не пустили, но, говорят, обратно вернули на рассмотрение, из-за санкций.

В.М. ЖУЙКОВ

Можно начинать, да?

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Да, конечно.

В.М. ЖУЙКОВ

Уважаемые коллеги! Во-первых, спасибо за приглашение. Вопрос очень важный, я на него...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Коллеги, я еще раз только попрошу: не больше пяти минут, чтобы наша дискуссия не перешла в завтрашний день, потому что, если все будут говорить по 10–15 минут, мы и до вечера не закончим.

В.М. ЖУЙКОВ

У меня в завтрашний день не перейдет, потому что я против такого перехода, который предлагается.

Я, так сказать, со стороны, сбоку на адвокатуру смотрю, хотя я больше всего... как человек, который 33 года проработал судьей. Я считаю, что институт адвокатуры исключительно важен. И

обратите внимание, что, когда осуществлялись судебные реформы, знаменитая 1864 года и нынешняя, которая никак не может закончиться, изменения судебной системы сопрягались с созданием адвокатуры в XIX веке, с ее развитием в нашем веке и с созданием нотариата. Это два института, которые очень близки и очень важны для осуществления правосудия.

Вне всякого сомнения, развивать адвокатуру, укреплять, усиливать гарантии деятельности, в том числе те, о которых сегодня уже с восторгом говорили, как подарок государству... хотя совершенно понятно, что ордер на обыск должен содержать то, что отыскивается, и то, что обыскивается. Кстати, об этом было написано еще в 1791 году в десяти первых поправках – в Билле о правах государства другого, вы знаете, США. Вопросы даже не было 200 с лишним лет. У нас, слава богу, прозрели хоть до этого.

Но при всей важности адвокатуры я не могу согласиться с тем, что предлагают создать так называемую адвокатскую монополию, что представителем в суде может быть только адвокат, а тот, кто хочет быть представителем в суде, должен обязательно вступить в адвокатское сообщество. Тут два вопроса – обязательное участие в организации, которая называется адвокатурой, и обязательный статус адвоката, для того чтобы участвовать в суде. Мы здесь говорим об оказании квалифицированной юридической помощи, то есть о статье 48. И есть еще вторая статья – это статья 30 о праве на свободу вступления и выхода из общественных организаций. В статье 48 говорится о праве гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, но не об обязанности его приходить в суд с человеком, который обладает статусом адвоката, или пока еще можно просто иметь высшее юридическое образование. К этому шаг уже сделал Кодекс административного судопроизводства: там представителем может быть только лицо, имеющее или статус адвоката, или просто высшее юридическое образование.

Такой шаг ведь в Арбитражном процессуальном кодексе был сделан в 2002 году. В статье 59 было написано, что представителем организации может быть либо работник организации, либо адвокат. Всё. В 2004 году Конституционный Суд признал это положение противоречащим Конституции. Почему об этом забывают? Конечно, Конституционный Суд может пересмотреть, он неоднократно делал это, и хорошо, и в некоторых случаях пересматривал свои позиции, так же как, я думаю, и о "гонораре успеха" он должен пересмотреть. Это совершенно неправильное, на мой взгляд, постановление Конституционного Суда. Ничего там никому не угрожает, и он прекрасно себя зарекомендовал в других государствах. Я думаю, что сейчас этот институт и применяется скрытно. Но если Конституционный Суд будет пересматривать свою позицию, он должен как-то это объяснить.

Сейчас пока в отношении КАС он выносит только определения отказные, не рассматривая по существу.

На мой взгляд, все же отношения с подсудимым, обвиняемым требуют не только юридической подготовки, но еще и, в общем-то, доверительными должны быть. Ведь не случайно в Уголовно-процессуальном кодексе... Конституционный Суд в свое время сказал, что только адвокат может защищать (в 90-е годы был большой спор, там юридические кооперативы очень сильно активизировались тогда). Но ведь в УПК же сказано, что может даже и другое лицо кроме адвоката иметь... Ведь не случайно законодатель сделал такое даже в уголовном процессе. Почему? Потому что вот именно особенность этих отношений – заинтересованного лица, требующего юридическую квалифицированную помощь, с тем, кто ему оказывает эту помощь. А в гражданском процессе, в арбитражном процессе и теперь в административном судопроизводстве мы говорим: нет, только адвокат. Ну, почему же так? Почему мы лишаем человека права выбора? Мы ему навязываем, говорим: ты обязан. Но ведь статья 48 Конституции говорит о праве. А мы его железной рукой загоним в это "стойло", где ему окажут квалифицированную юридическую помощь, и пусть скажет нам спасибо, накопит еще денежку, расплатится и тогда получит квалифицированную юридическую помощь.

Я не удивляюсь, что судейское сообщество приветствует это. Конечно, судье легче говорить с профессионалом. Конечно! Но для судьи не самое главное – упростить процесс свой и быстренько разрешить дело. Правосудие – для человека, а не для самого суда, не для адвоката, не для прокурора, не для следователя. Для человека, чье дело он рассматривает, и оно ему должно служить, и суд должен в пределах Уголовно-процессуального кодекса проявлять свою активность и оказывать помощь. Здесь очень много всего, целую лекцию на эту тему можно прочитать.

Второе. Как можно заставить всех лиц – специалистов в области оказания юридической помощи вступить в адвокатуру? Статья 30 Конституции запрещает возложение таких обязанностей: никто не может быть принужден к вступлению в какую-либо организацию. Можете спросить, конечно: а как же быть с нотариатом? В отношении нотариата Конституционный Суд высказал свою позицию, что единая нотариальная палата на субъект Российской Федерации – не противоречит Конституции. А здесь существенное отличие, хоть и оба института очень значимые. Но существенное отличие в чем? Что нотариат выполняет публичные функции, государство его наделяет такими функциями, нотариус действует от имени государства. И государство, конечно, может поставить условие: если вы хотите получить такие полномочия, то вступайте в единую организацию, чтобы можно было контролировать, как вы осуществляете свою деятельность. А адвокат, или

представитель стороны в процессе, – конечно, участник публичных правоотношений, но только в судопроизводстве, а с самим клиентом у него чисто частные отношения, там совершенно нет того, что есть между нотариусом и заинтересованным лицом, это совершенно другое.

Поэтому я считаю, что принуждение всех, кто хочет участвовать в суде в качестве представителей, или защитников, вступать в адвокатуру противоречит статье 30 Конституции. Поэтому я вот эти идеи об адвокатской монополии никак, никоим образом при всем своем уважении к адвокатуре, при понимании ее значимости приветствовать не могу. Спасибо.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо.

Мирзоев Гасан Борисович, прошу Вас.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Максим Геннадьевич. Не будем "растекаться", кратко и по существу.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Да нет, более-менее понятно уже, к чему движется процесс.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Я после выступления Виктора Мартениановича, наверное, чуть-чуть изменю тему выступления, потому что считаю: если мы берем и сравниваем англосаксонскую систему, то там, в общем-то, помощь адвоката носит профессиональный характер и адвокаты объединены в ассоциацию юристов, American Bar Association например.

Что касается нашей ситуации, я полагаю, что правильным все-таки будет создание того, что мы называем монополией адвокатов, монополией адвокатуры. И это требование времени, потому что наши граждане нуждаются в защите законных прав и интересов на более высокой, профессиональной основе.

Что касается изменений, внесенных в закон, одобренных уже Советом Федерации и подписанных Президентом, я их от всей души приветствую и считаю, что это вышло по предложениям наших адвокатов, исходя из того обсуждения, которое было на заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. И надо отдать должное, что совет хорошо проанализировал наши предложения и вошел с этими предложениями к Президенту. И я считаю, что в этом очень значительная роль Федеральной палаты адвокатов, которая за последнее время, с моей точки зрения, с точки зрения адвокатского сообщества, повысила свой авторитет и продвинула престиж и авторитет адвокатуры.

То, что говорил уважаемый Виктор Викторович Момотов, я тоже воспринимаю от всей души и от всего сердца. Но должен сказать то, что говорил на съезде судей и неоднократно здесь, в этом зале, и в других залах, и в Госдуме, и в Совете Федерации, – что все-таки отдельные изменения, которые вносятся в закон, скажем, об адвокатуре или довольно часто – в Уголовно-процессуальный кодекс, недостаточны, потому что, к сожалению, современная организация правосудия страдает, она ущербна, она вызывает в определенной мере социальное недовольство, постольку поскольку поставленные Конституцией цели не в полной мере достигаются.

Во-первых, следствие, о котором лично я говорил, будучи депутатом (кстати говоря, и наш, адвокатский закон в третьем чтении докладывал в Государственной Думе, ратовал за единый Следственный комитет)... Не довели эту реформу до конца, а наделили следствие массой полномочий: одновременно следователь и возбуждает, и расследует... И там же есть "око государево", которое должно быть отдельным, самостоятельным, они же сами за собой и надзирают. Это привело к тому (о чем и говорили в 1937 году, что признание – "царица доказательств"), что эту ситуацию довели до абсурда, когда у нас люди признаются в разных мелочах, а организованная преступность очень редко попадает туда, куда ей следует идти. Поэтому и судьи должны быть независимы в полной мере, дабы не зависеть ни от местной власти (губернской), ни от других структур власти. И, принимая решение, они боятся разговаривать с адвокатами, они замыкаются в себе, создают специальную касту.

Мне кажется, что это очень важный вопрос. То есть краеугольным камнем является совершенствование всей системы организации правосудия, и адвокат должен там играть свою важную, значительную роль как участник правосудия. А мы знаем, что правосудие – это важнейшая государственная функция, и участие в ней адвоката характеризует его как представителя и участника этой важнейшей функции.

И в заключение, Максим Геннадьевич, я хотел сказать о том, что те потуги, которые сегодня очень, я бы сказал, слаженно... Мне даже кажется, что под эгидой нашей сегодня правящей партии, наверное, правильно будет сказать, что Павел Владимирович Крашенинников и Андрей Александрович Клишас в этом направлении идут вместе. И эту законодательную... Вот я был в этот раз на заседании Совета законодателей и слышал правильный подход. Но почему-то мы боимся до конца сказать: а где эти причины, что человек ждет справедливого суда, а не получает его?

Я говорю одному судье (аспирант у нас в академии, Алексей его зовут): "Слушай, вот у тебя выступал молодой адвокат, чуть не плачет, говорит: "Ну, не виноват!" Вы определили ему наказание – три года реально". Он говорит: "Гасан Борисович, да Вы что! Если бы я ему дал условно, меня бы

заподозрили в коррупции!" Понимаете, в чем дело? Это беда большая. Судьи должны быть независимы. Они не должны бояться ни следователя, ни местную полицию, никаких спецслужб – никого. У нас работники спецслужб стоят над головой и всех других структур тоже.

Надо добиться, чтобы то, что сегодня адвокаты наши уже реально могут, реализовывалось. У нас сегодня есть прекрасная возможность федеральной палаты. У нас есть добровольные адвокатские объединения, профессиональные объединения.

У нас с утра было заседание исполкома, я оттуда сорвался. С вашего позволения, я сейчас убегу туда, на заседание, вместе с коллегами. Народ из регионов приехал и говорит: да, мы за закон. Но ротация сыграла свою роль. Давайте, пожалуйста, совершенствовать закон. Давайте мы вернем на круги своя традиции русской адвокатуры дореволюционной, российской.

Юрий Сергеевич, Вы сторонник этого, я знаю, Вы за демократию корпоративную. Давайте мы дадим эти возможности адвокату – выбирать, быть избранным. Должен каждый адвокат... И тогда мы будем независимы и перед властью, и перед всеми остальными.

Я всем желаю удачи, здоровья, благополучия. И с Пасхой всех! *(Аплодисменты.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо, Гасан Борисович.

Туманова Лидия Владимировна.

Л.В. ТУМАНОВА

Добрый день! Я очень признательна за предоставленную возможность высказать в этой аудитории те мои мысли как представителя науки гражданского и административного судопроизводства, которые я уже много лет пытаюсь каким-то образом высказывать в научном сообществе. И мне бы хотелось, чтобы в этой аудитории меня услышали и законодатели, и сами адвокаты. Я буду, учитывая ограниченность времени, говорить по возможности тезисно и кратко.

На мой взгляд, по моему глубокому убеждению, институт представительства уже давно в том виде, в каком он существует, пережил себя. И мы, находясь в плену наших традиций, забываем о том, что в рамках этого института – как минимум три совершенно самостоятельных: это законное представительство, это представительство как замещение лица в процессе и это (то, что мы называем представительством и о чем говорим сейчас) конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи.

Вот посмотрите, что происходит. Адвокат на самом деле не является участником процесса. Вот если мы откроем Гражданский процессуальный кодекс, глава называется "представительство". Приняли КАС. Я с воодушевлением восприняла статью, где в иных участниках назвали

представителя. Но когда мы дошли опять до соответствующей главы, то она опять именуется "представительство". И в большинстве случаев мы говорим о том, что у нас положение какое? Гражданин участвует лично или через представителя, и подразумеваем тот второй вид, что это представитель вместо. Вот пришло время, по моему глубокому убеждению, осознать и дать адвокату в гражданском и административном процессах свой статус, можно сохранить даже "адвокат". Нас же не удивляет, что прокурор в процессе именуется прокурором. Почему адвокат, как лицо, я бы сказала, конституционно признанное основным ответственным за оказание квалифицированной юридической помощи, прикрывается этой темой? В чем проблема? В том, что действительно он втиснут в рамки, извините за такие слова, представительства и должен следовать воле представителя, а иногда этот доверитель в плену каких-то заблуждений, амбиций просто-напросто мешает вам оказывать ему подлинную квалифицированную юридическую помощь. Более того, мы понимаем, что уже мы размыли этот институт и так. У нас есть статья 50 в ГПК, у нас есть статья 54 в КАС, где мы, в общем-то, однозначно не говорим... называем представителем того, кто таковым быть не может, нет внутренней связи. Лицо отсутствует, назначается адвокат. Вот я думаю, что признание... Если не устраивает, что он адвокат, можно вернуться к какой-то терминологии (поверенный...), но отойти от того, что он представитель. Тогда адвокат будет более свободен, чтобы оказывать эту квалифицированную помощь в рамках правового поля. И тогда мы можем понять: если человек просто хочет вместо себя кого-то послать в суд – пожалуйста, любой гражданин без образования. Но когда он обращается за квалифицированной помощью, это должен быть, на мой взгляд, только адвокат, потому что только адвокатское сообщество на сегодняшний день обеспечивает подбор кадров и соответствующую аттестацию кадров. И тогда, может быть, мы вспомним о каком-то положительном опыте и в самом процессе.

Процесс США знает такую стадию, как совещание судей с адвокатами. Что будет плохого, если мы при подготовке дела запишем тоже такой момент – когда профессионалы будут это обсуждать. Я даже не знаю, есть ли смысл по этой части говорить раньше, но еще раз отталкиваясь от того, что адвокат – это основной субъект ответственности за квалифицированную юридическую помощь, перехожу к следующей проблеме – это бесплатная юридическая помощь.

Соответствующий принятый закон вообще, я думаю, удивляет многих до крайности. В качестве основных субъектов назван кто угодно, при этом адвокаты – как бы какая-то вспомогательная фигура, потому что там буквально значится, что они могут быть включены в оказание бесплатной помощи. Но что мы видим дальше? Три основных вида этой помощи – консультирование, подготовка юридических документов и участие в суде. Скажите мне, пожалуйста,

в суде участвуют эти субъекты – госорганы, всякие общественные организации? Нет, конечно, ответ очевиден. Если нужно бесплатную помощь оказать в суде, то это, конечно, осуществляют только адвокаты.

Не вдаваясь в детали... Оплата отнесена к компетенции субъектов. Что мы имеем? Что бесплатная помощь должна быть бесплатной для гражданина, но при существующей системе она бесплатна уже и для адвоката. Его, я уже не говорю, усилия в суде несоразмерны этой компенсации, а мне даже иногда кажется, что усилия адвоката по получению этой компенсации и то превышают ту компенсацию, которую он получает. Давайте мы вернемся к процессуальному термину, там хоть есть формулировка "компенсируется в разумных пределах". Ну, может быть, мы эти разумные пределы будем применять и к бесплатной помощи? Еще раз подчеркиваю: да, законодатель почему-то, на мой взгляд, в законе о бесплатной помощи вообще ушел от понятия "квалифицированная", как будто ее, если она бесплатная, можно оказывать неквалифицированно. Основной субъект – это тот, кто способен квалифицированно оказывать помощь.

Следующая позиция – это наш закон, условно назовем, о медиации. Тоже однозначно мы на сегодняшний день понимаем, что большинство лиц, которые прошли соответствующую подготовку, которую требует этот закон, – это адвокатское сообщество. Может быть, пришло время...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Регламент у нас.

Л.В. ТУМАНОВА

Можно я закончу предложение?

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Конечно.

Л.В. ТУМАНОВА

Во-первых, нужно внести в закон об адвокатуре (это как самостоятельное направление деятельности) медиацию и признать, что, если дело находится в суде, эти медиативные процедуры должен делать только адвокат. Только адвокат.

И последнее. Несоответствие процессуального законодательства закону об адвокатуре, в частности статье 8. Согласно статье 8 "Адвокатская тайна" получается, что этим понятием охватываются все отношения адвоката с его доверителем. Но если мы обратимся к текстам процессуальных кодексов, то увидим, что это не так, что, оказывается, свидетельский иммунитет охватывает, только если он обладает этими сведениями уже находясь в статусе защитника, представителя или медиатора. Я полагаю, что это заслуживает внимания. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо большое.

Семеняко Евгений Васильевич.

Е.В. СЕМЕНЯКО

Спасибо.

Уважаемые коллеги! Я вообще хотел бы с самого начала сказать, что мое выступление, скорее, можно было бы считать репликой. После того как я выслушал уважаемого коллегу и замечательного представителя нашей профессии Жуйкова Виктора Мартениановича, честно признаться, вот под заверение о том, что наш коллега с любовью и уважением относится к нашему институту, мне иногда кажется, что лучше бы те, кто под таким лозунгом тем не менее как-то в дальнейшем настаивает на том, что не надо в регулировании доступа к квалифицированной юридической помощи ничего трогать и надо сохранить сегодняшний статус-кво, нас меньше любили, но соглашались бы на то, что нынешнюю ситуацию нельзя оставлять неизменной, и не потому, что в этом нуждается, как справедливо говорил президент нашей палаты Юрий Сергеевич Пилипенко, адвокатское сообщество, а потому, что...

Заметьте, тема наших сегодняшних парламентских слушаний называется "Совершенствование механизмов защиты прав граждан..." Я что-то не очень понимаю (вот здесь сидят люди, присутствуют представители наших законодательных органов), мы что, считаем, что у нас идеальная ситуация, так скажем, с механизмами защиты? Ну, если кто-то найдет такой вариант, при котором, извините, стоматологом может стать любой и каждый... Я так себе представил: есть ли тут желающие обратиться за стоматологической помощью к человеку, который вдруг решил в одночасье, что он может рвать другому зубы? Боюсь, что едва ли мы рискнем. Почему же тогда, когда речь идет о квалифицированной юридической помощи, о доступе к правосудию, оказывается, что надо следовать неким (интересно, каким образом вычисленным) принципам, что тут любой и каждый... главное ведь – доверие? Так, доверие-то (одну секундочку!) может быть обусловлено тем, что человека ввели в заблуждение, сказали: "Знаешь, я все решаю". А может быть, все-таки должно быть доверие прежде всего к человеку, который представляет профессию, в обязанность которого входит профессиональная защита прав и свобод граждан России? Поэтому мне кажется, что это огромное заблуждение.

Смотрите, нам говорят (и, в общем, получается довольно лукавый аргумент): но ведь в Конституции написано о праве гражданина на квалифицированную юридическую помощь, но там же нет обязанности. Одну секундочку! А кто в этом случае кого обязал? А я бы сказал по-другому (я

тоже юрист и меня тоже кое-чему учили): я считаю, что в данном случае речь идет об обязанности государства обеспечить такую систему доступа к квалифицированной юридической помощи, которая гарантирует доступ к тому, чтобы пользоваться действительно правом на возможность профессионального общения и доверительного общения с профессионалом прежде всего.

Поэтому, когда нам говорят: "Вы знаете, монополия адвокатуры – это что-то такое исключительно в интересах этих самых адвокатов, которых вдруг всех решили загнать в одну корпорацию", а еще говорят: "А, вы знаете, в Конституции есть еще одна норма, которая запрещает, что называется, принудительное вступление в какую-либо организацию"... Одну секундочку! Речь идет не об общественном объединении, не о партии. Я еще раз хочу обратить внимание присутствующих, что речь идет, между прочим, о профессиональной корпорации, которая существует в организационно-правовой форме, которая установлена специальным законом. Никто никакого юриста не обязывает стать адвокатом. На здоровье, пожалуйста, есть масса, так сказать, преломлений в нашей с вами юридической профессии. Но тот, кто хочет стать адвокатом, должен выполнить определенные, извините, условия и должен соответствовать определенным требованиям.

В чем вообще главное, как мне кажется, преимущество помимо декларируемого профессионализма представителей адвокатской профессии и адвокатского сообщества? Это наличие в этой корпорации определенных единых обязательных для всех стандартов профессий, неисполнение которых влечет за собой, извините, при определенных обстоятельствах либо привлечение к дисциплинарной ответственности, либо полное исключение из корпорации.

И, честно признаться, вот это наше притязание – почему-то вместо того, чтобы идти той столбовой дорогой, по которой идет современный мир, прыгать с болотной кочки на болотную кочку, претендуя на некий особый путь в том числе и в сфере защиты, оказания квалифицированной юридической помощи, – уже кажется абсолютно смехотворным. Если, как было отмечено до меня, на весь мир 10 стран, причем явно не таких, которые не могут служить примером для нас в плане регулирования доступа к квалифицированной юридической помощи, а остальной мир пошел...

Кстати, я сегодня, честно признаться, просто начал рукоплескать аргументам, которые были приведены председателем Совета судей и представителем судейского сообщества уважаемым Виктором Викторовичем. Мне кажется, что... Коллеги, зафиксируйте ситуацию. Это, на мой взгляд, почти исторический момент. Представитель судейского сообщества говорит: господа, мы хотим в том числе как некое одно из условий осуществления достойного правосудия... Здесь многие говорили о том, что мы имеем право на надлежащее, достойное правосудие наших граждан, но оно может состояться... *(Говорят одновременно.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Евгений Васильевич, регламент у нас. Вы сказали: три минуты. Переросло в такое жаркое, эмоциональное выступление.

Е.В. СЕМЕНЯКО

Я понял. Вы знаете, не надо так доверчиво относиться к обязательствам, которые берет на себя адвокат. Сейчас я уже заканчиваю. *(Смех в зале.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

То есть Вы сейчас хотите сказать, что нельзя доверчиво относиться к адвокатскому сообществу?

Е.В. СЕМЕНЯКО

Нет, просто Вы говорите: Вы обещали. Я Вам говорю: сейчас заканчиваю.

Коллеги, поэтому я думаю, что на самом деле реальная проблема заключается в том, что мы хотим менять многое, ничего не меняя. Надо уже перестать говорить слова, надо начать действовать. Вот, собственно, к чему хотелось бы... *(Аплодисменты.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Тарасенко Василий Георгиевич.

В нашем заседании принимает участие советник Президента Яковлев Вениамин Федорович. У нас потом будет время... Если у представителей адвокатского сообщества будут возникать какие-то вопросы, вы вправе задать их и мне, и коллегам, которые находятся здесь, в президиуме, и заместителю Министра юстиции, если у кого-то еще есть какие-то темы, которые нужно поднять. Спасибо.

Извините. Пожалуйста.

В.Г. ТАРАСЕНКО

Прежде всего, я хочу сказать, что, совершенно понятно, можно относиться к словам и делам адвокатов доверительно, то есть им можно верить, я считаю, что это основа нашей профессии.

А что касается роли адвокатуры... Я бы хотел сказать следующее. Роль, или значение, адвокатуры прежде всего связана с тем процессуальным положением, в котором адвокат находится, с теми функциями и действиями, которые зафиксированы в УПК 2001 года, ну и, конечно, в нашем славном законе об адвокатской деятельности и адвокатуре. Я должен сказать, что УПК по отношению к адвокатам относится к типу слабых законов. О чем идет речь? Вы не увидите нигде в Уголовно-процессуальном кодексе ни одной санкции за нарушение ни одного положения, включая и главу вторую, то, что мы называем принципиальной главой Уголовно-процессуального кодекса. То

есть каких-либо правовых гарантий, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, в УПК нет. Санкции позитивной никакой за эти вещи нет. То, что мы говорим, что функции обвинения и защиты в разрешении уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо... Минуточку! Мы идем за ходатайством к следователю, мы просим о проведении экспертизы. Где хоть одна санкция, где бы указывалось: в случае если следователь, несмотря на то что, очевидно, это ходатайство о проведении экспертизы относится к предмету, вот это положение влекло бы за собой либо его отстранение от процесса, либо возможность обжалования этих действий в суд? Мне скажут: разумеется, суд потом разберется. Ни один суд никогда и ни в чем разбираться не станет. Ему приносят совершенно определенные документы, он совершенно определенным образом их рассматривает, и совершенно определенным образом принимается решение, на котором мы потом ставим крест как на правовом документе.

Если только в УПК нет правовых гарантий принудительного исполнения тех положений, которые указаны в самом законе, позитивном законе, то о каком процессе мы можем говорить? Я не собираюсь революционизировать весь УПК 2001 года, хотя, конечно, он был написан странным образом, были утрачены сразу все те традиции, которые сохранялись в советской юриспруденции, но я хочу сказать, что до тех пор, пока в самом законе не будет ни одной санкции за нарушение тех положений, которые прямо указаны в самом Уголовно-процессуальном кодексе, что суд не является органом уголовного преследования и выступает на стороне обвинения и защиты, а суд в конкретном процессе после допроса прокурорам и адвокатам задает 500 наводящих вопросов обвинительного толка, и это выдерживается в Верховном Суде... Или когда эксперт говорит о том, что у Наполеона был ординарец, который доехал, упал и умер, – вот вам доказательство того, что человек без головы может работать. И это касается всего процесса – и собирания доказательств, и назначения экспертиз... Никакой ответственности. Попробуйте переназначить экспертизу – вам откажут, попробуйте принудить к совершению этих вещей – вам откажут. Я не собираюсь революционизировать УПК 2001 года, его нужно, конечно, постепенно менять.

Уважаемые законодатели! Я очень рад, что мне удалось вернуться много лет спустя в этот же зал, правда, он был другим. Я хочу сказать, что теми мелкими уступками, тем путем, по которому мы идем, мы никогда не подойдем даже к тому, что мы называем, ну, хотя бы правовым государством или гарантированной защитой граждан. Поэтому я бы считал, что вот эта свобода (статья 17, если я правильно понимаю) оценки доказательств ничего общего с категорией свободы не имеет.

Юридическая свобода – это синоним ответственности за действия и принятые решения. При ином понимании свободы свобода – это коррупция, невежество и разобщенность. Нам нужна свобода, но эта свобода должна быть ответственной. И следователь должен быть свободен, но он должен отвечать за свои действия. И суд должен быть свободен, а не выносить те решения, от которых, как сказал один наш выдающийся человек, волосы на голове дыбом встают. И вы думаете, это единичный случай? Да если все рассказать, у нас вся страна будет с поднятой шевелюрой.

Я понимаю, что сейчас очень мало времени, но я бы очень хотел, чтобы в особом порядке или в следующий раз (еще раз хочу сказать большое спасибо за то, что сейчас происходит здесь) мы бы рассмотрели и закон об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Ну, не может быть такого положения, когда в закон были внесены изменения, при которых адвокатура, начиная со Свердловска, Воронежа, боролась за равноправие, за участие адвокатов в избирательных процедурах, за право избирать и быть избранными, потом молниеносно внесли изменение в закон, которым присвоили президенту федеральной палаты абсолютно все права. Он голосует за всех адвокатов в выборах там, он представляет там, он сам предлагает состав совета палаты, и потом совет палаты выдвигает из этого же числа себе руководителя. Я не знаю такой конституционной демократии. Ну, я понимаю, это были бы какие-то Арабские Эмираты, когда семья собирается и решает все эти вопросы. Я считаю, что это не совсем правильно. Может быть, меня кто-то переубедит, скажет, что это демократические... но это влияет на то, что мы называем свободой адвокатуры и притоком новых сил, которым, в общем-то, есть место в нашей профессии. Большое спасибо. *(Аплодисменты.)*

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо.

Я хотел бы еще попросить коллег присылать в наш адрес предложения в рекомендации наших слушаний. Также у кого готовы изменения в законодательство, тоже в наш адрес присылайте поправки.

В.Г. ТАРАСЕНКО

Понимаете, нужно системное исследование того, что происходит. У нас нет анализа правоприменительной практики за 20 лет. И нам предлагают сейчас: давайте мы изменим УПК. То есть "затрем" то, что было, все колоссальные ошибки, и мы сейчас возьмем и примем новый закон. Это неправильно. Надо начинать уже сейчас под руководством Совета Федерации работу по исследованию правоприменительной практики, всеобщей правоприменительной практики, выяснять ошибки и исправлять медленно, шаг за шагом, как сказали наши уважаемые руководители. Спасибо.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Направляйте в наш адрес, а мы... Спасибо.

Пожалуйста.

А.В. СУЧКОВ

Сучков Андрей Владимирович.

Большое спасибо за предоставленное слово.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Андрей Владимирович, тоже регламент.

А.В. СУЧКОВ

Я понял. Совсем коротенько. Я все-таки возражу уважаемому Василию Георгиевичу. Мы, может быть, разные законы читаем. По-моему, страхи о всесии и всевластии президентов региональных палат не то что преувеличены, а просто надуманны. Ни одного решения без высшего органа адвокатского сообщества – совета, вернее, конференции или собрания – быть не может.

А по своему выступлению... Я хотел бы привлечь внимание также к теме бесплатной юридической помощи, но к другой ее части – это защита по назначению, то есть та часть бесплатной юридической помощи, которая финансируется не из регионального бюджета по закону № 324, как уже было отмечено, а из федерального бюджета, и именно в том ракурсе, в котором было предложено в начале парламентских слушаний, о том, что конечным бенефициаром по этой помощи является гражданин, более того, самая уязвимая часть нашего общества, которая не может привлечь для своей защиты адвоката, оплатить гонорар, – это наше малоимущее население. Так вот, в вопросах нормативного регулирования, а еще больше в вопросах исполнения данных правовых норм по организации бесплатной юридической помощи, на мой взгляд, очень и очень серьезные проблемы.

Начиная с нормативного регулирования... Хотя в двух словах, а что же такое вообще в срезе бесплатная юридическая помощь? По статистическим данным Федеральной палаты адвокатов (и они подтверждаются судебной статистикой Управления судебного департамента), больше 80 процентов рассматриваемых в настоящий момент уголовных дел – это дела с оказанием бесплатной юридической помощи в виде защиты по назначению. То есть это весьма такая значительная часть во всем срезе уголовного судопроизводства.

Говоря о нормативном регулировании, сразу нужно сказать, что создана какая-то, на мой взгляд, удивительная ситуация, когда орган, который выносит постановление, то есть начисляет помощь, и орган, который оплачивает эту помощь, – это процессуальный оппонент адвоката. Складывается ситуация: чем покладистее будет адвокат, чем он больше будет во главу угла ставить

интересы следствия, а не своего доверителя, тем больше ему начислят и тем быстрее он это получит. Принципиальный адвокат будет бегать с этой своей бумагой, что происходит в настоящий момент, и у нас задолженность месяцами, а иногда годами... У нас сейчас на исполнении есть постановления 2015 года у принципиальных адвокатов. Это, что называется, какая-то санкция. Поэтому этот процесс (это уже к законодателям) нужно менять.

Второе – по ставкам защиты по назначению. Еще раз повторю: это не плач за адвокатуру, это создание экономико-правового поля, в котором пребывают наши самые обездоленные доверители. Потому что создай плохую, экономически непривлекательную ситуацию – туда будут скапливаться и соответствующего уровня профессионалы. Минимальная ставка защиты по назначению – 550 рублей в час. Конечно, это можно объяснить так: бюджет не... *(Оживление в зале.)*

ИЗ ЗАЛА

В день!

А.В. СУЧКОВ

Извините, 550 рублей в день. Я просто перебрался мыслью, потому как сейчас про это и скажу.

Другие участники процесса... Можно сказать, что, да, бюджет как-то вот страдает... Но в том же постановлении № 1240 от 2012 года указано, что переводчик (как бы не самая ведущая функция) получает 700 рублей в час, а с "экзотических" языков (это, например, датский, шведский, норвежский) – 1500 рублей в час. Я, конечно, готов поплакаться за нашу адвокатскую профессию, а хотел бы все-таки найти...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Надо в переводчики уходить.

А.В. СУЧКОВ

Может быть. Давайте мы тогда все-таки пойдем, а какие функции ведущие. Доктрина уголовного процесса говорит, что ведущими являются... безусловно, разрешение дела по существу – это суд, а также сторона защиты и сторона обвинения. Переводчик, как и специалист, эксперт, – это вспомогательная функция. И надо все-таки как-то задуматься... ну, хотя бы какое-то экономическое обоснование привести. Я не к тому, чтобы "порезать" переводчиков, а чтобы все-таки подумать о том, как наполнять эту часть для адвокатов.

Более того, хотелось бы над следующей экономической категорией подумать. Деньги – это, знаете (иногда на это просто не смотрят)... это деньги возвратные. У нас есть статьи 131 и 132 УПК о том, что деньги, потраченные на защиту по назначению, подлежат, возможно, взысканию с лица,

признанного виновным, за исключением двух случаев. Это случаи крайне редкие. Первый случай – это когда адвокат (защитник по назначению) был как бы навязан (от него отказывается подсудимый или обвиняемый, а ему говорят: нет, он все-таки будет). Вот тогда невозможно взыскать с осужденного. И второй редкий случай (здесь можно только добавить – к сожалению, редкий случай) – это оправдательный приговор. Вот когда оправдательный приговор, тогда взыскать нельзя. Все остальное – это деньги, потом возвращаемые в бюджет. По цифре я скажу: 3–4 миллиарда, условно, оплачивается адвокату, которые, может быть, в течение года вернутся обратно.

Неделю назад я был на координационном совещании службы исполнения наказаний, которое проводило Министерство юстиции (службы исполнения наказаний и службы судебных приставов). У них налажено отличное взаимодействие. По взысканию по исполнительным листам эти деньги все-таки возвращаются обратно. Поэтому это деньги не те, которые просит адвокатура (дайте, и мы их больше никогда не вернем), они потом возвращаются в бюджет. Здесь вопрос только оборота.

Но тем не менее порядок, который сложился по постановлению № 1240, не самый лучший. Да, может быть, местами и абсурдно то, что я сказал, что выплачивает деньги тот, против кого борется адвокат, процессуально выступает адвокат. Но и это не соблюдается.

Установлен 30-дневный срок по постановлению № 1240 с момента вынесения до момента выплаты. Уже стало массовым явлением то, что он не исполняется нигде, никогда и ни по какому ведомству.

В финансовых органах главных распорядителей бюджетных средств (это те, кто... вот органы выносят постановления) сложилась совершенно абсурдная, незаконная, я бы даже сказал, антиконституционная практика, когда финансовые органы начинают пересматривать постановления, вынесенные дознавателем, следователем и даже судом. То есть финансист говорит: зачем оно вынесено, я не буду это выполнять. В результате у нас задолженность на прошлый год сформировалась (беру только по одному ведомству – МВД) 700 млн. рублей, которые в этом году гасят деньгами этого года. Если у нас возникла проблема на сентябрь в прошлом году, то сейчас она возникнет в середине года. И эту практику нужно... *(Оживление в зале.)*

Я понял, что уже сигналы. Я заканчиваю.

Но, единственное, если вы мне дадите овердрафт, я готов ответить на ваш вопрос по блокчейну.

Эти технологии проникают в адвокатскую среду. Они проникают в судопроизводство, не только блокчейн, и искусственный интеллект, и роботизирование оказания юридической помощи. Пример: очень активно работает в Британии адвокат-робот, который оспаривает штрафы по парковке,

и, знаете, где-то на 99 процентов у него все это получается. Тем не менее прогнозы таковы, что юридическая профессия (адвокатская профессия, судопроизводство) будет одной из последних, когда робот вытеснит человека. Спасибо.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Я сказал не об этом, я сказал о том, чтобы применять систему блокчейн в исследовании доказательств. Потому что какая-то из сторон (я не буду приводить примеры, их достаточно в этой жизни) всегда хочет что-то поменять, и поменять в угоду одной или другой стороне. Я говорю о том, чтобы через блокчейн пустить, собственно говоря, систему. Если вы запускаете систему, все видят, что есть, а разрушить это не могут.

А.В. СУЧКОВ

Максим Геннадьевич, понятно, это уже есть...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Но это делают живые люди. Это не делает робот, запускает это живой человек. Я почему обратился к коллеге Резнику? Когда он дискутировал на эту тему, вернее, выступал на эту тему... У меня конкретно есть примеры в голове, которые есть в открытом доступе, поэтому меня это заинтересовало.

А.В. СУЧКОВ

Максим Геннадьевич, эти технологии входят, но есть краеугольная основа судопроизводства и судебной системы – на судейское усмотрение. Для нас, для адвокатуры, это тоже свято и это незыблемо.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо.

Гришкова Алена Петровна.

А.П. ГРИШКОВА

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Нами сегодня затрагивается очень важная тема – тема оказания юридической помощи и защиты прав граждан. И, действительно, адвокат, как никто другой, призван защищать права граждан, оказывая юридическую помощь. Но ни для кого из нас не секрет, что не каждый гражданин может позволить себе эту юридическую помощь. Если коснуться уголовного процесса, то государство гарантировало по крайней мере обвиняемому бесплатную юридическую помощь, но потерпевшим таких прав и гарантий государство не предоставило. И зачастую, как показывает наша практика, потерпевший является также уязвимым лицом в уголовном процессе, потому что во многих случаях потерпевшему достаточно сложно добиться возбуждения уголовного

дела, достаточно сложно и проблематично добиться привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, я уже не говорю о том, чтобы компенсировать ущерб, который причиняется преступлением.

На примере нашей коллегии мы попытаемся как-то потихоньку, но помогать потерпевшим. Мы культивируем и развиваем практику pro bono – оказываем бесплатную юридическую помощь потерпевшим. И в рамках такой бесплатной юридической помощи мы достигаем для потерпевших достаточно больших успехов. Мы добиваемся того, чтобы причиненный ущерб был возмещен потерпевшему, чтобы виновные лица были привлечены к уголовной ответственности. И на протяжении пяти лет мы развиваем эту практику. Помощь оказана, может быть, немногим, но 10 потерпевшим по уголовным делам оказана квалифицированная юридическая помощь.

И что хотелось бы сказать? Что в принципе, сравнивая и анализируя оказание такой бесплатной юридической помощи, ведь у нас она не развивается и не культивируется, и у нас нет этой адвокатской ответственности, мы не стремимся к тому, чтобы оказать гражданину просто так и бесплатно эту юридическую помощь. Пусть не всем, но хотя бы одному человеку помочь каждый адвокат должен. И я просто призываю адвокатское сообщество к тому, чтобы хотя бы один адвокат оказал в рамках проектов pro bono бесплатную юридическую помощь гражданам. У меня всё.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо. Замечательно. Граждане очень нуждаются в бесплатной юридической помощи.

А.П. ГРИШКОВА

Да, это действительно проблема.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Тем более, если у адвоката есть сердце, я думаю, найдутся и мысли, и руки, чтобы помочь. Спасибо.

Коллеги, будем завершать. Я хочу подвести очень важную черту. Когда коллега Любимов выступал, он все-таки сказал про концепцию, которая сегодня волнует адвокатское сообщество, и то, что она будет в скором времени доступна для обсуждения, а где-то в середине мая будет принята. И коллеги высказывались о том, что сегодня волнует и граждан, – об оказании им высококвалифицированной юридической помощи. Действительно, не все могут рассчитывать на квалифицированных коллег, потому что много и шарлатанов вокруг, которые хотят просто получить деньги и не исполнять своих обязанностей так, как они должны их исполнять. Если у вас возникают какие-то вопросы, вы видите людей в президиуме, можете их задать. Потому что время подошло к концу.

Если нет вопросов, я, конечно, просил бы вас направлять свои поправки в законодательство, а также предложения в рекомендации наших парламентских слушаний, которые мы должны будем учесть.

Есть что-то еще?

К.Д. ДЕМИДОВ

А можно мнение высказать?

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Да, конечно, пожалуйста. С места. Представьтесь для стенограммы.

К.Д. ДЕМИДОВ

Демидов Константин Дмитриевич. Я работаю сейчас заместителем председателя думы муниципального образования, а до этого больше 20 лет работал как раз свободным юристом. Я за свою жизнь попробовал разные способы: и юридическую фирму открывал, и поработал индивидуальным предпринимателем, и лицензию получал (был такой эпизод в нашей жизни) на оказание юридической помощи. Кончилось все тем, что я стал работать везде по совместительству, в организациях, которые, собственно говоря, представлял, потому что в основном занимался представлением интересов организаций в арбитражном суде.

Сейчас очень много мы услышали мнений, в основном, конечно, от адвокатского сообщества, и говорится о введении монополии. Вы знаете, мне кажется, ни в коем случае нельзя прямолинейно к этим вещам подходить. Если мы с вами говорим о введении монополии на профессиональную деятельность, тогда, наверное, адвокатское сообщество должно превратиться из сообщества в фактических индивидуальных предпринимателей (а на сегодняшний день они рассматриваются так, они отчитываются перед налоговым органом, подают соответствующую декларацию) и вести эту деятельность как единственную деятельность. Вот если мы с вами будем рассматривать это как профессиональное сообщество по типу саморегулируемых организаций, когда человек туда может вступить, но не обязан заниматься как основным видом деятельности, тогда, наверное, монополия в данном случае может иметь место. У нас с вами есть на сегодняшний день оценщики, которые входят обязательно в СРО, имеют соответствующее...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Саморегулируемые организации не очень хорошо себя зарекомендовали.

К.Д. ДЕМИДОВ

Я в данном случае не говорю, что это абсолют, я просто говорю, что, если мы к этому придем, тогда, наверное, монополия на квалифицированную помощь в таком виде будет

востребована. В противном случае, мне кажется, адвокатское сообщество просто-напросто задохнется в мелких гражданско-правовых делах. Потому что когда приходят бабушки, которых залил сосед, и просят 16 тыс. рублей взыскать, то им на сегодняшний день помогают сообщества потребителей, которые, в общем-то, берут мелкие деньги, а бывает – и вообще ничего не берут. За такие дела, наверное, адвокатское сообщество просто не готово взяться в том объеме, в котором это существует на сегодняшний день. Поэтому я считаю, что нельзя прямолинейно к этим вещам подходить.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) ...бабушек мы тоже имеем, так что Вы нас недооцениваете.

К.Д. ДЕМИДОВ

Да, я с Вами согласен. Я и сам с этими бабушками ходил и сейчас консультирую в рамках общественной приемной "Единой России" каждую неделю. Вот таких бабушек, дедушек, тех, кто взыскивает алименты, тех, кто пытается со своим мужем развестись, огромная масса. И я даже предполагаю, что их в процентном отношении куда больше, чем тех дел, с которых адвокатское сообщество и получает свой основной доход.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Квалифицированная помощь в том и заключается, чтобы наши граждане ощущали, как сказала Алена Петровна, что адвокат может оказывать и бесплатную помощь, и квалифицированную помощь гражданам. Спасибо.

Коллеги, будем завершать тогда? Или еще у кого-то?..

Ю.Г. СОРОКИН

Максим Геннадьевич, можно пару слов?

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Да, пожалуйста.

Ю.Г. СОРОКИН

Сорокин Юрий Геннадьевич, Адвокатская палата Московской области, первый вице-президент Федерального союза адвокатов России.

Вы знаете, я сейчас слушал внимательно и прежде всего на три аспекта хотел обратить внимание.

Первое. Все-таки говорить о квалифицированной юридической помощи – это одно. Это очень важно, это прописано у нас в законе – что адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь гражданам. Так ведь, Генри Маркович? В нашем законе.

И второй вопрос – это монополия адвокатов на оказание квалифицированной юридической помощи. Сложный вопрос, надо думать. Но мне кажется, что рациональное зерно есть в выступлении уважаемого бывшего заместителя Председателя Верховного Суда Жуйкова.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Да.

Ю.Г. СОРОКИН

Я внимательно выслушал и Евгения Васильевича, который за монополию адвокатуры. Я знаю позицию Брычёвой (Государственно-правовое управление Администрации Президента). Мы еще в 2005 году этот вопрос обсуждали по поводу УПК, ГПК, где адвокат может быть представителем, и она сказала: "Никакой монополии на адвокатуру быть не может, вы Конституцию читайте". Так вот, мне кажется, Жуйков Конституцию читает, а мы, адвокаты, иногда... вот нам хочется монополию, чтобы везде быть.

Я сам адвокат и считаю, что адвокатура должна иметь больше прав и полномочий. Во-первых, мы не ради себя... Те полномочия, которые имеем, мы обращаем в защиту прав граждан и их свобод, вы понимаете. Это первое.

Второй вопрос. Что касается законотворческой деятельности... Хотел бы ваше внимание обратить на принятие нескольких законов, и прежде всего на закон от 2 июня прошлого года о внесении изменений в административный кодекс и в закон об адвокатуре. И то, что происходит, что проект этого закона был внесен, к сожалению...

Он очень быстро прошел. Он поступил в феврале в Государственную Думу из Правительства Российской Федерации и в течение июня был рассмотрен, потому что в мае было совещание в Санкт-Петербурге, первое чтение прошел быстро, второе чтение и был принят. Так вот, смотрите, в этот федеральный закон внесли изменения, на мой взгляд, не очень демократические и не очень помогающие адвокатуре бороться за ту монополию, которую она предлагает. В чем это заключается?

Первое. Сейчас учредить кабинет и коллегия адвокатов может адвокат со стажем не менее пяти лет. Практически люди, которые приходят из юридических фирм (многие из них достаточно квалифицированные, я об этом знаю, работают в рамках ООО) в адвокатуру, должны идти работать в коллегия адвокатов (любую выбирай себе) и пять лет отработать, для того чтобы создать... А мы сейчас говорим: вот в рамках концепции нужно создать привлекательные условия. И я, когда

прочитал этот закон, подумал: а что ж палата федеральная? Она за монополию в адвокатуре и рубит сук, на котором сидит. Вместо того чтобы внести изменения и туда, в закон об адвокатуре, написать такую форму, как юридическая фирма, и какие-то им предпочтения, привилегии дать, для того чтобы их привлечь в адвокатуру, убирают для них и возможность создать кабинет и коллегия адвокатов.

С МЕСТА

Переходный период.

Ю.Г. СОРОКИН

И переходный период... Я не знаю...

Вы понимаете, в чем дело? Я надеюсь на то, что... Вот Гасан Борисович выступал, мой коллега сейчас говорил о том, что надо возвращать демократические принципы в адвокатуру. Вы понимаете, в чем дело? Когда мы говорим о престиже и авторитете адвокатуры, мне кажется, они прежде всего складываются... Конечно, адвокат прежде всего должен свое лицо иметь надлежащее, и очень многое зависит от руководящих органов нашей адвокатской корпорации, я имею в виду совет Федеральной палаты адвокатов, советы адвокатских палат. И я знаю мнения многих, даже руководители адвокатских палат за то, чтобы вернуться к демократическим формам процедуры, чтобы не было этой ротации и не было бы никаких подозрений друг к другу.

Ну и, завершая разговор, хотелось бы, чтобы... Юрий Сергеевич, к Вам... Сейчас вот эта концепция, Вы сказали, на днях выйдет. Нужно посмотреть ее. Вы, наверное, поняли, да? Вот тот закон, который от 2 июня... Вы знаете, мне кажется, что закон 2004 года, который принес... ротацию ввели, и президента сроки ограничили, какую-то сумятицу и много проблем возникло для адвокатуры. И вот закон прошлого года от 2 июня тоже не очень хорош и не очень красит адвокатуру, хотя поддержали, поддержит федеральная палата. Вы понимаете? А мы об этом узнаём, когда он печатается уже, мы узнаём, когда он уже напечатан, о том, что он рассмотрен. Вот в чем вопрос.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Вы в адрес комитета направляйте поправки, а мы с регулятором взаимодействуем и, собственно говоря, эти вопросы, о которых Вы говорите, – и о стаже, и о том, что юридически можно оказывать помощь...

Ю.Г. СОРОКИН

Максим Геннадьевич, спасибо за приглашение. Мы участвовали, мы Вас услышали.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо.

Ю.Г. СОРОКИН

И вот хотелось бы и до Министерства юстиции донести, и до Совета Федерации...

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Уже донесли. Мы услышали.

Ю.Г. СОРОКИН

Ну и, естественно, до уважаемого Вениамина Федоровича Яковлева (знаю еще его министром юстиции СССР), который впервые (статья 17 закона об адвокатуре, где написано о контроле над адвокатурой...) сказал: нет никакого контроля, есть взаимодействие. Это вот этот человек. Вы понимаете, она не применялась.

Правильно, Вениамин Федорович?

В.Ф. ЯКОВЛЕВ

Да.

Ю.Г. СОРОКИН

Да, было такое. Спасибо Вам, Вениамин Федорович.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Давайте, коллеги, будем завершать. Если что-то есть, коротко буквально...

У Министерства юстиции?..

Ю.С. ЛЮБИМОВ

Да.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Пожалуйста, Юрий Сергеевич.

Ю.С. ЛЮБИМОВ

Спасибо большое.

Хотел бы по последнему выступлению сказать. Спасибо за такую ремарку.

Что касается привлекательности адвокатуры и организационно-правовых форм... Вот это как раз тот блок, который я назвал техническим в своем выступлении, хотя он, конечно, не технический, он сутевой. Это как раз тот блок вопросов, по которому у нас в сообществе практически нет разногласий. То есть с этим согласны и Федеральная палата адвокатов, и российские консультанты, и зарубежные консультанты. Все понимают, что, для того чтобы имело смысл даже начинать какой-то разговор об адвокатской реформе, его обязательным условием должна быть полноценная адаптация форм ведения адвокатской деятельности под современные потребности рынка юридических услуг.

У нас пока что (я могу проанонсировать) какое решение заложено в концепцию? Мы, честно, голову сломали, потому что нам было не разойтись в каких трех соснах? У нас же, как известно,

адвокатская деятельность является некоммерческой. Раз она некоммерческая, значит, мы связаны формами, которые у нас находятся в законе об адвокатуре. Поскольку те адвокаты, которые ведут эту деятельность сегодня, и в том числе большие образования, уже юридические фирмы с несколькими десятками (если не сотнями) человек, хотя, конечно, внутренне и соглашаются тихо с тем, что их деятельность некоммерческая, но понятно, что осуществлять ее в рамках юридической фирмы невозможно. Поэтому мы все время упирались в эту "рогатку". Хотя абсолютно понятно всем, что надо сделать для того, чтобы сделать адвокатуру в этом смысле привлекательной: должны быть и возможность адекватного распределения прибыли, и возможность найма, и разные уровни адвокатов, которые участвуют в объединении. Ну, в общем, по-хорошему (мы об этом вслух не скажем) нужна де-факто коммерческая организация, которая адаптирована под адвокатские задачи.

Мы решили пойти по тому пути, который у нас существует в законодательстве о медицинской деятельности. У нас же врач – это вроде как тоже призвание, он клятву Гиппократа дает и так далее. Поэтому мы, не углубляясь в философский вопрос о том, какова природа деятельности адвоката, решили, что мы должны регулировать профессию, то есть должны регулировать физическое лицо, которое сдает экзамен, соблюдает этические требования и так далее. А форма организации деятельности возможна как в формах, которые предусмотрены законом об адвокатуре, так и в формах коммерческих организаций, в которых сегодня де-факто существуют юридические фирмы. То есть мы идем по тому же пути, как у нас врач может работать в государственной клинике, а может работать в частном кабинете или в частном уже сегодня упомянутом зубоорудебном кабинете. То есть логика примерна такая. Мы поняли, что нам иначе просто не вырваться из этого противоречия. Понятно, что решение не очень хорошее само по себе, потому что мы окончательно вопрос не решаем. Но мы решили, что нам сначала надо решить вопрос с людьми, чтобы люди приобрели статус, чтобы им было комфортно работать в той форме, к какой они привыкли, а дальше уже пусть адвокатура, объединенная, укрупненная, сама решит вопрос о том, в какой форме она должна существовать, какова ее природа и так далее.

Второй вопрос, на который вы справедливо обратили внимание, – вопрос об адвокатской демократии. Я много раз... и Федеральная палата адвокатов знает мою позицию. Единственный способ успешно провести адвокатскую реформу – это сделать ее комфортной для всех участников этого объединения. Если у нас получится, что одна часть адвокатского сообщества поглощает другую часть, какова бы эта часть ни была, это рано или поздно взорвется и не будет никакого объединения. Это можно сделать только предельно комфортно и только договорившись внутри о том, как это будет происходить. И я уверен, что эта схема будет работать при единственном условии –

когда у вас внутри уже укрупненной адвокатуры будет реальный демократический механизм, который позволит этому укрупненному образованию выбрать тех представителей, которые будут отражать разные мнения внутри адвокатуры.

Другое дело – в чем есть реальная проблема, чего мы сейчас больше всего боимся? Наша проблема состоит в том, чтобы у нас не оказалось так, что будущими избирателями, которые будут в адвокатуре голосовать за своих представителей, будут те, кто сегодня, так сказать, с трудом по слогам читает, имеет очередной купленный диплом и сегодня занят только тем, что переносит из точки А в точку Б какие-то денежные купюры. Нам нужно сейчас сделать так, чтобы эти люди не попали в адвокатуру, чтобы у нас не получилось так, что у нас количество вновь пришедших подобных людей превысит количество существующих адвокатов, соответственно, вот эти новые, "обновленные" избиратели такого навыбирают, что нам всем дальше мало не покажется. Это самая большая проблема на данный момент.

А то, что все нынешние части юридического рынка должны быть адекватно представлены в новой адвокатуре, ни у кого, в том числе, мне кажется, и у наших коллег из ФПА, вопросов не вызывает. Поэтому вот так, наверное, я бы ответил. Спасибо.

М.Г. КАВДЖАРАДЗЕ

Спасибо.

Коллеги, завершаем. Направляйте в наш адрес... Всего хорошего!
